

Его рука была очень теплой и немного мозолистой, и она не знала почему, но она нервничала еще больше, когда он держал ее за руку.

Линь Цинцин почувствовала, что ей следует побыстрее подавить это чувство, поэтому она немедленно притянула к себе своего маленького сына и сжала его руку.

Внезапно она почувствовала себя намного лучше, когда Сяо Юань крепко сжал ее руку.

Чжан Шуси встретила их в дверях. Втроем они поднялись, чтобы приветствовать ее. Она была особенно счастлива видеть своего милого внука, и поэтому радость на ее лице была очень искренней.

— Вы наверное устали, проделав весь этот путь.

Чжан Шуси ввела всех троих в комнату. Как только они вошли в дверь, они встретили Чэн Инь. Девушка улыбнулась им и сказала:

— Ужин готов. Брат Цзэянь, Сяо Юань, вымойте руки и будьте готовы к ужину, — она посмотрела на Линь Цинцин и увидела, что они с И Цзэянем держатся за руки.

Чэн Инь казалась ошеломленной, но только на мгновение, и сразу же пришла в себя, нежная и трогательная улыбка появилась на ее лице:

— Цинцин редко приходит сюда, ты должна есть больше.

Прежде чем Линь Цинцин успела заговорить, она услышала голос позади себя:

— Я удивлялась, почему здесь такой шум. Оказалось, что это пришел Цзэянь.

Голос был смесью резкого, высокого тона и ленивого, и оставлял у слушателя чувство небрежности.

Несколько человек подсознательно повернули головы и увидели пару из красивого мужчины и красивой женщины, идущих к ним.

Женщина слева была той, которая только что говорила. Она была одета в короткое пушистое платье, и в норковую шубу, и дополнила этот образ шелковыми чулками и сапожками. В общем, она была одета модно и излучала ауру молодой светской львицы.

Мужчина слева был одет более просто — в фиолетовую рубашку и свитер. У него была борода, которая придавала его внешности зрелый и элегантный вид.

И Цзэянь представил их ей:

— Это мой сводный брат Лю Сююань и моя сводная сестра Лю Вэньцзянь.

Оказалось, что это его сводный брат и сводная сестра. Не желая показаться грубой, Линь Цинцин поспешно поздоровалась с ними.

Лю Вэньцзянь оглядела ее с головы до ног и сказала:

— Действительно странно, что ты здесь. Я думала, что ты никогда не будешь иметь ничего общего с этим местом до конца своей жизни.

Некогда теплая улыбка Линь Цинцин стала немного натянутой. Казалось, что она и Лю Вэньцзянь встречались раньше, но они не очень хорошо ладили.

Какая у нее удачная судьба! Она не очень ладила со своей свекровью, а теперь выясняется, что у нее также были напряженные отношения с падчерицей своей свекрови. Просто отлично.

— Кстати, я слышала, что ты потеряла память, — Лю Вэньцзянь с улыбкой наблюдала за ее лицом. — Похоже, это правда. Неудивительно, что она здесь, и теперь ее глаза не выглядят такими злобными, как раньше.

Линь Цинцин нахмурилась, как бы плохо она ни вела себя с ней в прошлом, эта девушка, произнося эти слова перед таким количеством людей, была ли она слишком самоуверенной или не понимала чувства других?

Она почувствовала, как И Цзэянь успокаивающе сжал ее руку, и услышала, как он сказал:

— Цинцин — моя жена, а это значит, что это и ее дом. Она может прийти, когда захочет. А что касается того, что ты говоришь, что у нее злобный взгляд, то я знаю о ней больше и о том, что она за человек, — И Цзэянь говорил медленно и размеренно, с намеком на самодовольство в голосе. Он поднял глаза и посмотрел на Лю Вэньцзянь. — У тебя есть какие-нибудь вопросы?

Он выглядел дружелюбным и мягким с улыбкой на лице, но, когда он сказал это, воздух вокруг него, казалось, застыл. При этом И Цзэянь не скрывал своего фаворитизма по отношению к Линь Цинцин.

Видя, что он так прямолинеен, горничные, аккуратно стоявшие вокруг, даже не осмеливались дышать. Никто не осмеливался оспаривать достоинство главы семьи.

При этих словах И Цзэяня выражение лица Лю Вэньцзянь стало немного уродливым. Он действительно не дал ей никакого лица, сказав это. Она застыла на месте, улыбнулась и

сказала:

— Цзэянь очень благоволит Цинцин.

Лицо И Цзэяня осталось неизменным:

— Она моя жена, если я не буду благосклонен к ней, то кто же?

Она все еще хотела заговорить, но Чжан Шуси нахмурилась и перебила:

— Ну, Цинцин редко приходит сюда, так что не говори этих удручающих слов.

Лю Вэньцзянь: «...»

На мгновение она растерялась.

Главы семьи И уже высказали свое мнение по этому вопросу, поэтому, хотя Лю Вэньцзянь была своенравна, она не осмелилась продолжать двигаться дальше.

Лю Сююань в то же время оттащил свою младшую сестру, и бросился к Линь Цинцин и ласково сказал:

— Вэньцзянь любит шутить. Если она обидела тебя, я приношу тебе свои извинения от ее имени.

Линь Цинцин посетила дом в первый раз и не хотела, чтобы все было слишком неловкими, поэтому она сказала:

— Это не имеет значения.

Увидев, что атмосфера наконец-то улучшилась, Чэн Инь взяла Линь Цинцин за руку и сказала:

— Цинцин, иди сюда скорее, мы приготовили много блюд, которые ты любишь есть дома.

Следуя за Чэн Инь, Линь Цинцин была несколько удивлена. Когда она впервые встретила Чэн Инь, она явно чувствовала, что не нравится ей, но сейчас та вела себя так восторженно. Это чтобы покрасоваться перед старейшинами или что-то в этом роде?

Однако перед таким количеством людей Линь Цинцин не могла сделать ничего другого, кроме как просто дать ей лицо, и поэтому ее втянули внутрь, а руку, которую держал И Цзэянь, пришлось забрать.

Теперь И Цзэянь был главой семьи, и было много правил, которым семья И должна была следовать во время еды.

Как глава семьи, И Цзэянь сидел во главе стола, а Линь Цинцин и Сяо Юань расположились слева от него. Тем временем справа от него сидели Чжан Шуси, отец Чэн Инь, сестра и брат семьи Лю и Чэн Инь.

Чэн Инь и ее отец могли обедать с семьей И, и судя по расположению стульев, семья Чэн имела высокий статус в семье И, они были не просто начальник и подчиненные.

Семья И готовила все очень хорошо и действительно приготовила много еды, которую любила есть Линь Цинцин.

Она также была удовлетворена обслуживанием. На полпути к туалету, проходя мимо кухни, она услышала разговор нескольких поварих.

— Сделай еще конфетку с драконьей бородой, мадам она очень нравится.

— Да, да, да. Мы сделаем это прямо сейчас!

— Госпожа — сокровище в сердце господина, так что нам следует больше наблюдать за ней. Что бы ни пожелала мадам, мы должны приготовить. В конце концов, если мадам будет удовлетворена, мастер будет удовлетворен, и если мастер будет удовлетворен, то мы получим премию в конце года, понимаете?

Сразу несколько человек ответили:

— Конечно.

Линь Цинцин: «...»

Сначала она немного растерялась, потом небрежно пожала плечами и собралась уходить.

Как только она обернулась, то увидела, что Лю Вэньцзянь стоит неподалеку, и решила, что она тоже идет в туалет.

Выражение ее лица, казалось, было насмешливым, и она медленно подошла, скрестив руки на груди:

— Люди в этом мире привыкли плыть по ветру. Ты, вероятно, не знаешь, но, когда мой отец был главой семьи здесь, эти люди выслуживались передо мной. Теперь, когда мой отец ушел, а И

Цзэянь стал главой семьи, они немедленно повернулись и выслуживаются перед тобой. Но пока не слишком радуйся. Все непредсказуемо. На данный момент ты была смазана маслом и стала самой ценной, но ты никогда не можешь сказать, когда этот дом сменит своего владельца.

Подойдя к кухонной двери, она повернулась к людям на кухне и закричала:

— Это плохо — делать что-то ради денег! Еще хуже говорить, о чем-либо, в связи с этим. Так что, если я снова услышу, как вы сплетничаете, я отправлю вас собирать вещи и вышвырну, я все еще член этой семьи, и у меня все еще есть власть прогонять людей!

Слова Лю Вэньцянь донеслись до испуганных ушей, и, конечно же, они сразу все затихли.

Она обернулась и презрительно усмехнулась Линь Цинцин, как бы демонстрируя ей это.

Однако Линь Цинцин выглядела равнодушной и ответила:

— Ты не должна говорить это при мне, мне все равно. Мне не нравится получать лесть любого рода, и мне действительно все равно, высоко ли люди думают обо мне или нет.

Глаза Лю Вэньцянь сузились, и она спросила:

— Что ты хочешь этим сказать? Ты смеешься надо мной за то, что я наслаждаюсь лестью?

Мисс Лю была очень чувствительна. Линь Цинцин открыла рот и хотела объяснить свои слова, но потом почувствовала, что объяснять нечего, поэтому просто беспомощно улыбнулась и подсознательно протянула руку, чтобы поднять свои волосы.

Но она не ожидала, что Лю Вэньцянь вдруг сделает шаг назад. На ее лице отразился ужас, и она выпалила:

— Что ты делаешь?

Линь Цинцин: «...»

Она озадаченно посмотрела на лицо Лю Вэньцянь. Почему она так реагирует? Она взглянула на руку, которая подняла свои волосы, она просто убрала их...

Лю Вэньцянь, казалось, поняла, что она отреагировала слишком бурно. Она тут же закашлялась, придала своему лицу строгое выражение и тяжело зашагала в сторону туалета.

Линь Цинцин: «???»

Она смотрела на руку, которой поправляла волосы, глубоко задумавшись. Она была Лю Вэньцзянь раньше? Неужели она думала, что она ударит ее после того, как подняла руку?

Линь Цинцин была ошеломлена.

Она даже могла бить Лю Вэньцзянь? Большую мисс, которая была очень вспыльчива?

Невероятно!

После ужина И Цзэянь и несколько человек, отвечающих за винодельню, отправились в кабинет, чтобы поговорить о делах.

Чжан Шуси организовала для нескольких представителей молодого поколения совместную игру в карты. Линь Цинцин не хотела играть в карты, но ради Чжан Шуси, которая была старшей, она должна была проявить уважение, поэтому она смягчилась, и небрежно сыграла в две игры.

Поскольку все устали играть в маджонг, они сыграли в новую игру под названием «Цзеху». Линь Цинцин не умела играть, поэтому они сыграли две пробные игры, чтобы научить ее.

Это была очень простая игра. У каждого игрока в руке по семь карт. Тот, кто может закончить первым, выигрывает. Первый игрок, который возьмет карту, должен был передать ход следующему игроку. Например, если вы берете три, а следующий игрок должен взять четыре, и ни один из них не может ходить снова, если последняя карта из колоды разыграна, колода перетасовывается и карты берутся снова. Это было не так уж трудно. Нужно просто играть и убивать время.

Лю Вэньцзянь сегодня повезло. Она взяла три или две карты. Несколько раз Линь Цинцин была отрезана ею, в этом не было никаких сомнений. Наконец, Лю Вэньцзянь скинула карты первой, и у Линь Цинцин осталось больше всего карт. Так что она была самой большой неудачницей. Лю Вэньцзянь могла попросить у нее все, что она пожелает.

Она могла попросить денег или попросить Линь Цинцин сделать что-нибудь для нее.

Она приложила палец к подбородку и прищурилась, глядя на Линь Цинцин:

— Нам всем здесь весело, но я не знаю, сможет ли Цинцин адаптироваться.

Линь Цинцин сказала:

— Поскольку я решила играть, я готова принять поражение.

Лю Вэньцянь сказал:

— Так просто! Теперь, когда ты это сказала, у меня нет никаких забот.

Линь Цинцин пожала плечами и посмотрела на нее.

Лю Вэньцянь склонила голову набок и задумалась, потом улыбнулась и сказала:

— Почему бы тебе просто не сделать стриптиз для всех?

Стриптиз?

Чжан Шуси нахмурилась, услышав ее заявление. Какими бы ни были обстоятельства, Линь Цинцин по-прежнему оставалась женой И Цзэяня и ее невесткой. Позволить ей танцевать стриптиз означало бы прижать ее и И Цзэяня лицом к земле!

Вообще говоря, все знали вес пари. Лю Вэньцянь была слишком невежественна.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я сделала стриптиз? — спросила Линь Цинцин.

— Ну конечно! Ты уже возвращаешь свои слова?

Казалось, что Лю Вэньцянь отказывается отступить, и она никогда не сдастся, пока Линь Цинцин не сделает стриптиз.

Линь Цинцин было совершенно ясно, что Лю Вэньцянь намеренно пытается смутить ее.

В это время атмосфера была немного напряженной, и Чэн Инь сидела рядом с Линь Цинцин. В этот момент она улыбнулась и сказала:

— Цинцин сегодня пришла в первый раз. Не пугай ее.

Линь Цинцин невольно повернула голову и посмотрела на Чэн Инь. Она не ожидала, что эта девушка поможет ей.

— Что ты задумала? Теперь твоя очередь говорить? — Лю Вэньцянь говорила с нескрываемым презрением.

Будучи публично разоблаченной, Чэн Инь неловко улыбнулась, несколько смущенная.

Выражение лица Чжан Шуси было не очень хорошим, и она предупредила холодным голосом:

— Обрати внимание на то, что ты говоришь.

— Во всяком случае, я говорю это не в первый раз. Что, если она не вспомнит, что я сказала, и сделает это в следующий раз?

Выражение лица Чжан Шуси стало еще более уродливым, но она больше ничего не сказала.

Линь Цинцин не ожидала, что даже Чжан Шуси не сможет успокоить Лю Вэньцзянь.

Она была всего лишь падчерицей, и ее отца тут даже не было, но она неожиданно может быть такой властной в семье И. Этот факт немного озадачил Линь Цинцин.

Лю Вэньцзянь подняла брови и посмотрела на нее:

— Что случилось? Разве ты не сказала, что хотела признать свое поражение?

Линь Цинцин возилась с оставшимися картами, которые еще не были разыграны, и не ответила.

И Бэйюань, который смотрел мультики, понял, что над его матерью издеваются. Он подбежал на своих коротких ножках, бросился к нескольким собравшимся взрослым и сказал:

— Я только недавно выучил несколько ударов из бокса. Ничего, если я их покажу?

Чжан Шуси ласково улыбнулась:

— Да, да, да! Бабушка хочет посмотреть.

Лю Вэньцзянь сложила руки на груди и сказала с усмешкой:

— Разве это не трусость с твоей стороны? Тебе даже нужен твой сын, чтобы спасти тебя?

Линь Цинцин притянула Сяо Юаня к себе и обняла своего прекрасного сына. Она была благодарна и тронута, узнав, что он тоже хочет помочь своей матери.

Во время перерыва в обсуждении дел на винодельне И Цзэянь вышел посмотреть, когда услышал, что внизу что-то произошло. Однако он не стал спускаться вниз, а предпочел стоять в коридоре наверху и наблюдать за тем, что происходит на первом этаже.

Немного послушав, он понял, что произошло.

Стоявшие рядом с ним Чэн Бо и Лю Сююань были немного встревожены этим зрелищем.

Лю Сююань даже собирался спуститься вниз, чтобы остановить свою младшую сестру.

Однако И Цзэянь был по-прежнему очень спокоен, и его лицо почти не изменилось. Он небрежно достал из сумки сигарету, прикурил и неторопливо выдохнул дым.

Линь Цинцин почти все время играла в карты внизу. В этот момент она бросила карты на стол и вытащила из них две карты. Она намеренно сделала недоуменное лицо и бросилась к Лю Вэньцянь, говоря:

— Это действительно странно. Ты, очевидно, получила три двойки. Почему в картах есть еще одна пара, которая не разыгрывалась?

Лицо Лю Вэньцянь немного изменилось, но она быстро сказала с бесстрастным выражением:

— Откуда мне знать? Ты должна спросить человека, который принес карты, почему есть еще одна пара.

Это служанка принесла карты, поэтому она сразу же сказала:

— Я выбрала новую колоду, которая не была распечатана, и мы также проверили ее. Этого не могло случиться.

После того, как служанка сказала это, Чэн Инь вдруг что-то вспомнила и добавила:

— Я помню, что дядя Лю был опытным мошенником... — она прикрыла рот рукой, как только поняла, что сказала что-то не то.

Однако этого предложения оказалось достаточно для скрытого смысла. Лицо Лю Вэньцянь исказилось от ярости, и она закричала:

— Заткнись! Кто дал тебе право говорить здесь?

Линь Цинцин, наконец, поняла, что Чэн Инь и Лю Вэньцянь не были в хороших отношениях.

Чэн Инь, вероятно, встала на ее защиту только для того, чтобы разобраться со сводной сестрой Цзэяня.

— Как же так получилось, что ты взяла три двойки, а остальные не взяли ни одной? Если ты хочешь сказать, что лишние две не имеют к тебе никакого отношения, то я действительно в это не верю. Твой отец был опытным мошенником. Я думаю, он научил тебя всему, что знал, так что этот простой трюк не должен быть трудным для тебя, верно? — Линь Цинцин намеренно провоцировала ее.

Лю Вэньцзянь холодно хмыкнула:

— Если ты хочешь играть, ты должна быть готова к поражению! Поскольку ты проиграла, ты должна быть готова принять поражение! Не говори мне таких глупостей.

— Ты выиграла, да, но если ты выиграла обманом, это все еще считается победой? Поскольку в азартной игре было оговорено, что те, кто выигрывает, могут взять любую ставку у тех, кто проигрывает, интересно, есть ли какое-то условие, чтобы другие люди могли попросить тех, кто жульничает, принять ставку?

Чэн Инь тут же ответила:

— Есть такое правило. Если жулик выигрывает, правило может быть отменено, и человек, который должен был сделать ставку, может попросить ставку у того, кто жульничает.

— Ты видела, что я обманываю? Ты хочешь сказать, что лишние карты были из-за моего жульничества?

Чэн Инь тихо пробормотала:

— Разве ты не единственная, кто может это сделать?

Лю Вэньцзянь очень расстроилась. Она всегда ругалась с Чэн Инь, когда та хотела подраться с ней. Чэн Инь снова не удержалась от возражений и не стала уклоняться от того, чтобы бросить вызов ее авторитету даже в присутствии Линь Цинцин.

— Заткнись! — крикнула Лю Вэньцзянь, поднимая стоявшую рядом чашку и швыряя ее в Чэн Инь. В чашке не было воды, но ей все равно будет больно, когда она попадет в нее.

Чэн Инь вскрикнула в тревоге, подсознательно пригнувшись, чтобы избежать этого.

Возможно, она слишком боялась, поэтому увернувшись, пнула стол ногой. Лю Вэньцзянь сидела напротив нее. К счастью, край стола только ударил Лю Вэньцзянь по талии.

Однако, когда ее ударили, несколько карт, спрятанных на ее груди, выпали.

Их было две, один Король и один Валет.

Когда Лю Вэньцзянь поняла, что карты выпали, она была шокирована.

Линь Цинцин сказала в нужное время:

— Это так очевидно, что ты жульничаешь. Ты все еще отрицаешь это?

Лю Вэньцзянь рассердилась. Она пристально посмотрела на Чэн Инь, но не слишком разволновалась даже после того, как ее «украли и захватили». Она спокойно похлопала себя по одежде и сказала:

— Хорошо, хорошо, хорошо, я признаю, что жульничала. Что ты хочешь, чтобы я сделала?

П.п.: «украли и захватили» — обнаружили.

«Я не думаю, что ты осмелишься взглянуть на меня.»

Казалось, что эта большая мисс привыкла быть властной в этой семье, что даже Чжан Шуси не могла подавить ее.

Линь Цинцин взяла карту и повертела ее в руках. Она тщательно обдумала это и сказала:

— Я все еще новичок здесь, поэтому не буду слишком усложнять тебе жизнь. В конце концов, я все еще хотела бы иметь возможность встретиться с тобой должным образом в будущем, верно?

Лю Вэньцзянь слегка сжала свой подбородок и ничего не сказала.

— Так... Как насчет того, чтобы встать на колени и извиниться? Это очень просто, не так ли?

На мгновение вокруг нее воцарилась тишина, даже Чжан Шуси и Чэн Инь не могли поверить своим ушам, когда смотрели ей в глаза.

Однако Линь Цинцин говорила так легко и непринужденно.

— Ты что, издеваешься? Я встану перед тобой на колени? Кто ты такая, чтобы я сделала такую вещь?

Линь Цинцин вспомнила испуганный вид Лю Вэньцянь, когда она подняла руку. Было очевидно, что Линь Цинцин раньше была ее, но теперь она же попросила ее станцевать стриптиз, чтобы оскорбить ее. Не для того ли, чтобы запугать ее, потому что она потеряла память?

— «Проигравший должен быть готов признать свое поражение». Разве не это ты только что сказала?

Лю Вэньцянь холодно посмотрела на нее и подумала, не хочет останавливаться на этом.

— Встань передо мной на колени! Это та ставка, которую я хочу.

Она спокойно посмотрела на Лю Вэньцянь, но в ее холодных глазах было сильное чувство подавления.

Она была непреклонна в своем споре и не остановится, пока Лю Вэньцянь не опустится на колени.

Между тем, И Цзэянь стоял наверху и смотрел на сцену, точнее, смотрел на Линь Цинцин. Она больше не была застенчивой или робкой женщиной, какой была рядом с ним. Напротив, она снова казалась той же самой женщиной, полной враждебности, как зверь, который может в любой момент разорвать человека на куски.

На мгновение напряженная атмосфера помешала даже Чжан Шуси вмешаться в круг людей, но Лю Сююань больше не осмеливался быть простым зрителем. Он поспешил вниз с верхнего этажа и бросился к Линь Цинцин с извиняющимся выражением лица.

— Цинцин, Вэньцянь любит шутить, ты должна знать, какая она. Как насчет того, чтобы я сыграл музыкальное произведение, чтобы добавить веселья?

Лю Вэньцянь была недовольна, когда услышала это:

— О чем ты говоришь? Кто она такая, чтобы ты развлекал ее?

Лю Сююань бросил на нее холодный взгляд. Хотя он улыбнулся, он явно сдерживался, чтобы не рывкнуть на нее.

— Помолчи.

Можно видеть, что, хотя Лю Вэньцянь была высокомерной и властной, она все же испытывала некоторое уважение к своему старшему брату. Она неохотно замолчала.

Чжан Шуси согласилась с ним:

— Сююань очень хорошо играет на пианино.

Линь Цинцин не была глупой. Чжан Шуси заговорила, чтобы дать молчаливое согласие на этот вопрос. Естественно, она не будет идти против свекрови, поэтому сделала шаг назад и сказала:

— Ладно, тогда я вся во внимании.

Сначала все должно было закончиться именно так, но потом они увидели, как Чэн Бо спустился с верхнего этажа и что-то сказал на ухо Лю Сююаню. Лю Сююань выглядел напряженным и украдкой взглянул наверх, как раз вовремя для того, чтобы заметить холодное выражение лица И Цзэяня.

Выражение лица Лю Сююаня было неловким, и он сказал сестре:

— Вэньцзянь, ты должна станцевать стриптиз.

Лю Вэньцзянь подумала, что ослышалась.

— Старший брат, ты что, издеваешься?!

Лю Сююань закрыл глаза, глубоко вздохнул и только тогда прошептал ей на ухо:

— Будь послушной, иначе мы не сможем уйти сегодня. Цзэянь был наверху и все видел. Именно этого он и хочет от нас.

Лю Вэньцзянь: «...»

Девушка посмотрела наверх, но там никого не было.

Она сжала кулаки и решила станцевать стриптиз перед таким количеством людей. Ей было очень стыдно, но она знала, что ее старший брат имел в виду, говоря, что это не сойдет ей с рук.

Она точно знала, каково это — жестокость И Цзэяня.

И Цзэянь был слишком узколоб, он был так серьезен, хотя все играли.

Она скрежетала зубами, поглядывая по очереди на лица собравшихся, и усмехнулась Линь

Цинцин. Потом она вздернула подбородок и сказала:

— Это просто стриптиз. В чем тут дело? Если ты осмеливаешься играть, то нужно веселиться!

Линь Цинцин: «...»

Первоначально Линь Цинцин сделала шаг назад, потому что так сказала мать И Цзэяня. Однако она не ожидала, что брат и сестра Лю будут так искренне извиняться. Она украдкой взглянула на Лю Вэньцянь, которая, казалось, не хотела в этом участвовать.

Но раз брат и сестра Лю были такими, конечно, она должна была принять их извинения, поэтому она улыбнулась Лю Вэньцянь и сказала:

— Пожалуйста.

Лю Сююань действительно очень хорошо играл на пианино. Что касается стриптиза Лю Вэньцянь...

Хотя это был танец стриптиза, не вся ее одежда была снята, и юбка осталась на ее теле. Она также очень не хотела танцевать, поэтому танец выглядел немного неуклюжим, и все представление было похоже на фарс.

После стриптиза больше никто не играл в карты, и брат и сестра Лю ушли. Дело было официально закрыто.

Некоторое время спустя Линь Цинцин узнала, что брат и сестра Лю не живут с Чжан Шуси. Вместо этого они жили по соседству, и поговаривали, что семья И намеренно отдала часть своего дома этим двоим.

Несмотря на то, как инцидент был улажен, атмосфера в семье И все еще была счастливой и гармоничной, как будто ничего плохого не случилось.

Линь Цинцин играла с Сяо Юанем некоторое время, пока его не уложила спать бабушка. Чжан Шуси скучала по внуку и хотела спать с ним, поэтому Линь Цинцин не возражала.

Через некоторое время экономка семьи И также отвела Линь Цинцин в комнату, где ей сказали, что она будет спать этой ночью.

Линь Цинцин вошла и вскоре обнаружила, что это комната И Цзэяня. Она была оформлена в стиле ретро 1920-х и 1930-х годов.

Сам дом был оформлен в западном стиле, но обставлен мебелью в китайском стиле. Это был дизайн интерьера, которым восхищались многие многодетные семьи во времена Китайской республики. Тогда он, возможно, и был немного странным, но сейчас выглядел вполне приемлемо.

На столе были аккуратно разложены книги и несколько фотографий, в основном И Цзэня и других, причем некоторые из них принадлежали одному и тому же человеку.

И Цзэнь, которому было около 15 или 16 лет и одетый в майку, стоял рядом с мальчиком того же возраста, и они держали руки на спине друг друга. Два энергичных подростка широко улыбались, стоя перед истребителем, чтобы сфотографироваться.

Там же была фотография двух мужчин в военной форме, со сложенными перед собой руками, стоящих по стойке смирно, спокойных и невыразительных, демонстрирующих солдатскую серьезность.

Линь Цинцин вспомнила, как Сяо Юань рассказывал ей, что его отец раньше служил в армии и что он был хорошим стрелком.

В то время мистер И выглядел лет на двадцать, не больше, с коротко остриженными волосами и в военной форме, величественной и серьезной. Он выглядел высоким и красивым, но мужчина рядом с ним был менее заметен.

Еще одна фотография стояла рядом с этой. На ней был только И Цзэнь. Он все еще был в военной форме, но в руках держал еще одну.

У Линь Цинцин были некоторые сомнения. Она внимательно присмотрелась к двум мужчинам и обнаружила, что мужчина, стоявший рядом с ее мужем, немного похож на Чэн Инь. Она вспомнила, что И Цзэнь говорил ей, что брат Чэн Инь был его хорошим братом, но она была здесь уже довольно долго, но еще его не видела. Неужели брат Чэн Инь исчез? Это была его форма, которую И Цзэнь держал в руках?

Просмотрев фотографии, Линь Цинцин приняла ванну и забралась в постель. Экономка приготовила для нее комнату И Цзэня, так, где же будет спать он? Линь Цинцин замерла при мысли об этой дилемме.

Теперь она была женой И Цзэня, и они вместе вернулись в дом его родителей. Конечно, экономка приготовит ей кровать в комнате И Цзэня!

Неужели позже И Цзэнь придет в эту комнату спать?

Ну он же был главой семьи, как он мог не прийти! И как он может спать в гостевой комнате? Если бы люди здесь знали, что их отношения не были хорошими и что они спали отдельно, они

потеряли бы лицо. Более того, устроить так, чтобы И Цзэянь спал в гостевой комнате, разве это не слишком неуважительно?

Что же мне делать? Малыша забрала бабушка, так что между ними никого не будет. Ей придется лечь в постель вместе с ним.

Хотя это правда, что они муж и жена, но...

Линь Цинцин поспешно завернулась в одеяло, съежилась и почувствовала себя не в своей тарелке. Потом встала с кровати и прыгнула под нее, но не знала, что делать. Должна ли она сказать экономке, что она и И Цзэянь спали в разных комнатах? Может, попросить приготовить для нее другую комнату?

Если бы все было именно так, то как насчет лица И Цзэяня?

Нехорошо, нехорошо. Это еще более неуместно!

Казалось, что только когда И Цзэянь вернется, они смогут обсудить это.

Линь Цинцин снова забралась в постель и взяла книгу, чтобы почитать. Она долго ждала, но И Цзэянь все еще не возвращался.

Был ли он все еще занят делами винодельни или уже спал в другой комнате?

Как бы то ни было, Линь Цинцин не могла больше ждать. Она легла поудобнее и вскоре заснула.

И Цзэянь знал, что Линь Цинцин будет спать в его комнате этой ночью. На самом деле это сообщили ему заранее, поэтому его не удивило, что он пришел в свою комнату и увидел спящую в постели женщину.

Она крепко спала и не заметила, как кто-то вошел. Он сел рядом с кроватью и посмотрел на ее спящее лицо. Долгое время он не двигался. В темноте его тело напоминало окаменевшего зверя.

Он смотрел на нее некоторое время, прежде чем пойти умыться, но когда лег в постель, то оказался не рядом с ней, а с другой стороны, далеко от нее.

И Цзэянь обнаружил, что совсем не может заснуть. Он закинул руку за голову и повернулся к ней. Комната была тускло освещена, и в слабом свете он мог видеть ее смутное спящее лицо.

Это должно быть первый раз, когда они спали одни в комнате с тех пор, как поженились. Он спал с ней три раза с тех пор, как встретил ее в первый раз. Один был несчастным случаем, другой — с Сяо Юанем, а третий — сейчас.

Сначала он думал, что она откажется от предложения экономки. В конце концов, она очень хорошо знала, что спать здесь и делить с ним комнату было ожидаемо. Кроме того, в последний раз, когда она спала в его комнате, там был Сяо Юань, но на этот раз сына не было с ними. Он никогда не думал, что она захочет лечь с ним в одну постель.

Глядя на ее спящее лицо, он испытывал смутное чувство, как будто находился во сне.

Он пришел к выводу, что люди по своей природе, вероятно, жадны, в том числе и он.

Когда она отвергала его, он всегда надеялся, что она позволит ему стать ближе, хотя бы немного. Но теперь, когда он подошел ближе, ему захотелось подойти еще ближе.

Поэтому, после короткого ощущения невероятности происходящего, он немного придвинулся к ней.

Однако между ними все еще оставалось небольшое расстояние. И все же это расстояние позволяло ему отчетливо чувствовать запах шампуня на ее волосах и слышать ровное дыхание.

Но этого было недостаточно, и он все еще хотел быть ближе. Он думал о том, что чувствовал, когда тайком обнимал ее той ночью, когда ее мягкое тело уютно устроилось в его объятиях.

Ее сладкий запах щекотал его нос.

Это подтвердилось. Он был жаден. Очень жадный.

Он медленно протянул руки, чтобы обнять ее в одеяле, но был так силен, что не осмеливался прижать ее слишком крепко, боясь, что она проснется. Сделав все это, он тихо вздохнул.

Однако его движения были скованными, и он не осмеливался приблизиться слишком близко, чтобы утешить ее, потому что ей это могло не понравиться. Каждый раз, когда он сталкивается с ней, у него появляются сомнения, и эти мысли стали преследовать его, когда он был рядом с ней.

Человек, которого он нежно обнимал, внезапно пошевелился, и И Цзэянь почувствовал, как онемение распространяется по его телу. На мгновение в его голове промелькнуло множество мыслей, в том числе о том, как объяснить ей, если она проснется и начнет расспрашивать его.

Однако она лишь на мгновение пошевелилась, поудобнее устроилась в его объятиях и начала

тереться о его грудь.

И Цзэянь: «...»

Возникло необъяснимое чувство удушья, он застыл и не смел пошевелиться.

Он посмотрел на женщину в своих объятиях и увидел, что она все еще спит.

Вся эта ситуация показалась ему забавной, и он вдруг не смог удержаться от смеха. Он прижал палец к виску и сдержал смех.

Она действительно хорошо себя вела, когда засыпала, и больше не испытывала той враждебности, которую испытывала к нему всякий раз, когда они сталкивались друг с другом раньше.

Он вспомнил, как не задолго до того, как она потеряла память, она сказала ему с отвращением и гневом:

— Ты ведь не хочешь со мной разводиться, правда? Тогда я уничтожу всю твою семью!

В то время она публично заявила, что безжалостна.

Но сейчас она так хорошо себя вела в его объятиях.

Это было то, что он никогда не осмеливался понять раньше.

Однако, когда он погрузился в это странное и приятное ощущение близости с ней, он почувствовал боль в груди. Он нахмурился, и заметил, что она укусила его за грудь.

Немного больно, но он может это вынести.

Но она не кусала его долго, через мгновение она отпустила его, и он услышал, как она пробормотала:

— Большая куриная ножка.

И Цзэянь: «...»

В этот момент И Цзэянь не знал, смеяться ему или плакать. Неужели она думает, что его грудь — это большая куриная ножка?

Ему вдруг захотелось увидеть, как она будет счастлива, когда съест большую куриную ножку, поэтому он наклонился и встретился с ней лицом к лицу, просто чтобы увидеть, как она надувает губы.

— А это вкусно? — тихо спросил он ее.

Он был в очень хорошем настроении.

Она не ответила ему и заснула, но он наслаждался ощущением близости с ней, как будто это могло переплести их жизни вместе, как будто он был тем, кто сопровождал ее, чтобы съесть куриные ножки.

Хотя это были одиночные фантазии или иллюзии, он все еще наслаждался этим.

Но прежде, чем все закончилось, она вдруг просунула голову ему под ухо, нежно укусила его за шею, а потом лизнула языком.

И Цзэянь: «...»

Потом он услышал, как она сказала:

— Мороженое.

И Цзэянь: «...»

И Цзэянь почувствовал, что электричество собирается в его теле и он надолго замер, но она, казалось, не наелась. Она наклонила голову, укусила и лизнула его в щеку. Она кусала и лизала его до тех пор, пока почти не добралась до уголка его рта.

Казалось, она готова сделать последний шаг.

«Линь Цинцин ты не можешь. Ты не можешь, не можешь идти дальше», — мысленно предостерег ее И Цзэянь.

«Держи рот подальше, а то она может укусить и облизать его. Быстро, отодвинься, И Цзэянь! Она обязательно укусит его и оближет, а ты этого не вынесешь, так что держись подальше от ее рта!»

Это было очень опасно!

Голос в его сердце твердил снова и снова, мышцы всего его тела были напряжены, и вся его

сила была собрана, но он не мог заставить свои конечности двигаться.

Он как будто сошел с ума и даже с нетерпением ждал этого.

Однако она остановилась, когда прикусила уголок его рта.

Страх, ожидание и борьба исчезли в одно мгновение. Он повернулся к ней, но она уже перестала есть.

Огромное чувство потери распространилось, и он не мог не спросить ее:

— Ты больше не хочешь есть мороженое?

Он посмотрел на ее губы и подумал, это потому, что она только что облизала их и ее рот был покрыт слюной, они стали более прозрачными. В темноте ее рот казался привлекательным розово-красным цветом.

Она не ответила, потому что уже спала. И Цзэянь был немного раздражен. Он нахмурился и спросил:

— Тебе этого было достаточно?

Неожиданно, как только он спросил, она внезапно открыла рот и укусила его за лицо.

И Цзэянь: «...»

Она не сильно кусала, но эффект все равно убивал его.

Никто раньше не осмеливался так кусать его в лицо, только она. Вместо того чтобы обидеться, он наслаждался тем, как она кусает его.

После одного раза, она снова открыла рот, и он почти инстинктивно повернулся и направил ее рот к своему рту.

Этот укус просто прикусил его губу. Она укусила слегка, дважды пососала и смущенно сказала:

— Желе.

И Цзэянь: «...»

Ее губы были такими мягкими, что в последний момент он едва не потерял контроль над собой. Он ожидал, что это будет мучительно, но не знал, что настолько смертельно.

Она заснула.

«И Цзэянь, как бы ты объяснил, если бы она вдруг проснулась и увидела это? Ее отношение к тебе улучшилось. Ты хочешь, чтобы она снова возненавидела тебя и жила той же жизнью, что и раньше?»

Будущее будет долгим, и, если так пойдет и дальше, все выйдет из-под контроля.

Он вспомнил, что до регистрации компании все возражали. Создание бренда могло привлечь средства, так что семья И больше не была бы единственным акционером, и это оказало бы большое влияние на всю семью. Но он протолкнул дискуссию и настоял на том, чтобы компания была зарегистрирована. В то время он был решителен и рационален.

Он всегда был таким, ему были присущи решительность и спокойствие. И Цзэянь был из тех людей, которые могут рационально анализировать даже перед лицом смерти.

Но теперь его разум не мог ему помочь. Он знал, что должен держать свой рот подальше и что он не может позволить ей кусаться и дальше. Она спала, а он все еще пользовался ею. Джентльмен не должен так себя вести.

Хотя, по правде говоря, он не был джентльменом.

Ее вкус был так привлекателен, а он был мужчиной. Он был ее мужчиной.

Он был рассудительным и решительным, обычным И Цзэянем. Он не мог позволить ей снова укусить, он не должен был шевелить губами.

Однако И Цзэянь, обычно рассудительный и решительный, высунул язык после того, как она немного прикусила его, разжал зубы и вошел до конца.

Это так чертовски раздражает!

Однако он никак не мог остановиться.

Его мышцы были достаточно напряжены, чтобы взорваться в любой момент, а лоб покрылся потом, но он не мог остановиться.

Искушение было слишком велико...

Но прежде, чем он успел засунуть свой язык внутрь и начать доставлять неприятности, она внезапно прикусила его, и И Цзэянь поспешно вытащил язык и задохнулся от боли.

На этот раз она укусила очень сильно, а боль многократно усиливалась в таких чувствительных местах, как язык.

Он ругал себя за то, что заслужил, но в глубине души чувствовал себя немного обиженным. Эта женщина, как она могла так укусить его?

Но после того, как она укусила его, и он отодвинулся от нее, она не сдалась, и даже сказала немного сердито:

— Желе! Цинцин хочет есть желе!

И Цзэянь: «...»

Еще один укус от нее, и он думал, что умрет. Он мертв!

Но она все еще бормотала:

— Цинцин хочет есть желе.

Даже если ее голос был испорчен, и даже если ее голос больше не был таким очаровательным, как раньше, он не мог вынести мягкого тона ее голоса.

Голос, как у избалованного ребенка. Она никогда не вела себя перед ним как испорченная девочка.

Он не ожидал, что так легко сдастся. Его язык, который она укусила, все еще болел, но сердце уже было готово рискнуть всем.

«Ладно, давай, просто кусайся. Просто укуси».

Он высунул язык.

«Давай, давай, ешь. Ешь свое желе».

Он нахмурился, закрыл глаза и приготовился к боли, но это была не та боль, которую он ждал.

В тот момент, когда он засунул свой язык внутрь, это было так, как будто она наконец

получила то, что хотела, она нетерпеливо обхватила его язык... и нежно сосала его.

И Цзэянь внезапно открыл глаза.

Ужасная алая дымка мало-помалу расплывалась в его глазах.

Она не хочет желе, она хочет его жизни!

П.п.: Ох. Кажется, они хотят и моей жизни! И Цзэянь держись. Это очень самоотверженно с твоей стороны! σ(□ε □ □)

Боже, он просто лапочка!

<http://tl.rulate.ru/book/27647/1134166>